

ГЕОГРАФИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ КАК ЭТОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: ПРЕДМЕТНО-ОБЪЕКТНЫЙ АНАЛИЗ

© 2023 г. А.В. Любичанковский

*Оренбургский государственный университет, кафедра географии
и регионоведения, г. Оренбург, Россия
e-mail: av-lubichan@yandex.ru*

В современной общественной географии открывается лакуна ментально-географической проблематики, нуждающаяся в научно-исследовательской проработке. Территориальные общественные системы неразрывно связаны с «ментальным фактором». Статья посвящена обоснованию нового научного направления в рамках общественной географии, сфокусированного на исследовании общественно-географических факторов и особенностей формирования, воспроизводства и трансформации ментальности – этологической географии. Важная в общественно-географическом плане задача исследования пространства в ментальности не входит в задачи этологической географии. Этологическая география выражает собой географию ментальности, а не ментальную географию. Проблематика ментальности в структуре общественно-географических исследований предполагает обоснование этологической географии в предметно-объектном контексте географической науки: географической оболочке, геосистемах, культурных ландшафтах, территориальных общественных системах и т.п. Предметно-объектный анализ этологической географии предполагает выбор базового, ключевого подхода, который учитывает специфику изучаемого предмета исследования, опираясь на апробированную методологию общественной географии. Показано, что таким подходом является концепция территориальной организации культуры и основные закономерности территориальной организации общества. Проведенный анализ позволил выделить объект (пространственные структуры этоса) и предмет исследования этологической географии (общественно-географические факторы и особенности формирования, воспроизводства и трансформации этоса в культурно-территориальных общностях). Географические исследования культурного пространства России предполагают существенное расширение тематики за счет теоретико-методологических наработок географии ментальности, что позволит выявить потенциал длительной устойчивости мультикультурных сообществ и подобрать управленческие технологии, способные эффективно и адекватно реагировать на быстро меняющуюся политическую, экономическую и социокультурную конъюнктуру.

Ключевые слова: география ментальности, этологическая география, геозтос, территориальная организация культуры, территориальная организация общества, геокультура.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-3-3

Введение и постановка проблемы.

В современном мире наблюдается широкое оперирование понятием «ментальность», причем используется оно значительно шире чисто научно-исследовательских рамок и сопровождается большим количеством вариаций и индивидуальных смысловых насыщений [9]. Ментальность не имеет четкой терминологической определенности, однако эвристический потенциал этого понятия существенен для географической науки [4; 23], так как ментальность обладает особым качеством, отличающим ее от других содержательных элементов психологии человека. Эпистемологически ментальность связана с различными уровнями, на которых можно выделить ментальность как стиль мышления, связанный с основами психической природы человека; ментальность как индивидуальное

свойство личности, выраженное в когнитивных функциях; наконец, ментальность как стереотип поведения, различающийся в различных культурно-географических средах. Последний пласт ментальности интересен в географическом ракурсе исследований, так как выявление таких ментальных типов связано с пространственными различиями и, на наш взгляд, делает правомочным использование понятия «ментальность» в географическом исследовательском поле.

Общепризнанный процесс гуманизации и гуманитаризации в современной отечественной общественной географии за последние тридцать лет выразился в формировании и утверждении культурно-географической составляющей [6]. Общественно-географическая национальная исследовательская традиция, помимо достижений экономико-

географической школы, дополняется культурно-географической составляющей общественной географии. Культурно-географическая реальность включает в себя широкий комплекс поведенческих реалий, не сводимых к пространственному поведению. Бихевиористский подход, возникший в англо-американской географии, ограничил себя пространственными аспектами в поведении людей. География может выявить и делимитировать в пространстве различные стереотипы поведения. Этот сложный географический объект исследования, предполагающий свою теоретико-методологическую разработку, позволит расширить традиционные общественно-географические исследовательские сюжеты.

На пространственную организацию общества огромное влияние оказывают ментальные факторы. Наибольшую проявленность этих факторов можно наблюдать в культурном пространстве, прежде всего в процессах культурного регионализма и пульсации взаимообусловленного социокультурного процесса индигенизации – глобализации.

Предлагаемая работа ставит своей целью провести предметно-объектный анализ нового научного направления в общественной географии, исследующего общественно-географические факторы и особенности формирования, воспроизводства и трансформации ментальности населения. Этот анализ поможет связать теоретические и методологические уровни исследований географии ментальности, давая тем самым практическую возможность выявления конкретного эмпирического содержания ментальности в географическом пространстве.

Обзор ранее выполненных исследований. Существуют разные варианты названия географического подхода, исследовательское поле которого мы называем ментальной географией. Это и бихевиористская география, и география восприятия, и перцепционная география, и когнитивная география. В определенном дискурсе можно найти специфику употребления этих названий, однако все они фокусируются на изучении пространственных различий в поведении человека и свойств пространственного восприятия в ментальности.

Например, когнитивная география (по Н.Ю. Замятиной [8]) – направление гео-

графии, ориентированное на изучение пространственных представлений, механизмов их формирования и использования в различных аспектах человеческой деятельности. Когнитивная география опирается на концептуальную базу когнитивной науки, изучающей познание и разум во всех аспектах их существования [4; 21; 24]. Когнитивная география расширяет поведенческую (бихевиористскую) географию за счет включения более широкого концептуального базиса когнитивной науки по сравнению с концептуальным базисом поведенческой психологии. Н.Ю. Замятина выделяет в качестве главного фокуса поведенческой географии пространственное поведение человека, которое в развивающейся данное направление когнитивной географии рассматривается как элемент целостной системы, связанной с пространственными представлениями людей: это собственно механизмы восприятия пространственной информации (психогеографическая зона когнитивной географии), массовые пространственные представления, стереотипы, оценки и поведение людей (социогеографическая зона), пространственные представления, закрепленные и используемые в культуре и языке (соответственно культурно-географическая и лингвогеографическая зоны).

Содержательно близкой к когнитивной географии выступает перцепционная география – изучение географической реальности через представления о ней, изучение особенностей и закономерностей пространственного восприятия [10]. По этому направлению географии существует множество работ, прежде всего американской и британской научных школ (отметим прежде всего Х. Адриана, Ю. Пфанншмидт, Ц. Боарда, Дж. Голда, К. Линча, Д. Покока и И Фу Туана [18–20; 22–23; 25–32]).

Трансдисциплинарность анализа взаимосвязи пространства и ментальности возникает с самого начала разработки этой проблематики. Когнитивная география имеет много пересечений с картографией и геоинформатикой, социальной географией и социологией, политологией, культурологией и лингвистикой и др. [8]. Например, известные исследования К. Линча, посвященные образу города [11], работы В.Н. Топорова [15] об образе Санкт-Петербурга в русской литературе и др. методологически взаимосвязаны с когнитивной географией.

Н.Ю. Замятина рассматривает когнитивную географию как элемент культурной географии, причем культурно-географическая зона когнитивной географии может выступать как часть гуманитарной географии [8].

Попутно отметим, что сведение географического анализа поведения к пространственному поведению, на наш взгляд, неоправданное сужение темы, так как пространственность самого явления заключается и в различиях типов поведения в самом пространстве. Осознавая масштабность реализации такой задачи, на наш взгляд, целесообразно такое направление географического анализа отделить от ментальной географии, отделив тем самым и свое специфическое исследовательское поле в структуре общественно-географических исследований.

Однако представляется не самой удачной формулировка названия «география ментальности» в направлении географической науки, которая бы занималась выявлением и отображением спецификации ментальных комплексов социума в географическом пространстве, в силу попадания в этот блок только части компонентов, составляющих содержание понятия «ментальность».

Характеризуя современный этап как инфляционное содержательное расползание понятия «ментальность / менталитет» при многообразии выявленных детерминант (постмодернистский, капиталистический, антикапиталистический, профессиональный, гендерный и др.), мы подходим к необходимости вычленения специального понятия, в котором обнаруживается географическая реальность, пространственный ракурс исследования.

Разнообразие стереотипов поведения, нравов, темпераментов, обычаев и иерархии ценностей у различных общественных групп в разных регионах мира, как правило, очерченных по этническому или культурно-географическому признакам, связано с термином «этос». Начиная с Античности сложилась исследовательская традиция размежевания в понятиях психических свойств природы человека, представляющих врожденные свойства личности – физиса и подверженная изменениям части психики людей, выражающейся в привычках, нравах, характерах, темпераменте и обычаях, – этоса [2; 7; 16].

Понятие «этос», как и понятие «ментальность», имеет неустойчивый терминологический статус.

Однако ретроспективное развитие использования этого термина антропологами XX века позволяет применять его с большой корректностью к феноменам образа жизни, иерархии ценностей, нравам и обычаям в обществе на разных пространственных уровнях.

Этос является составной частью ментальности, при этом проводит понятийно-терминологическую демаркацию между этосным как реально-должным, выходящим за полюсы притяжения хаотического состояния нравов, и строгим порядком идеально-должного, сферой собственно морального (наподобие моральной географии И. Канта).

Важным эвристическим потенциалом понятия этоса, а также аргументом для возможной критики по сдерживанию терминологической перегруженности понятийно-терминологического аппарата географической науки является первоначальное понимание этоса как места обитания, обжитого пространства в его связи с характером человека.

Для структурирования географического пространства ментальности нами был введен термин «геоэтос» [12], под которым мы понимаем полиструктурную совокупность элементов и подсистем основных этологических компонентов общества, которые посредством соответствующих им макротипов социальных отношений проявляются на различных пространственных иерархических уровнях с их связями и взаимодействиями (как в пределах самой системы, так и с внешней средой). Таким образом, геоэтос – это взаиморасположение, взаимосвязи и взаимодействия пространственно выраженных элементов этоса, рассматриваемого как географическая система.

В качестве элементов и подсистем геоэтоса мы рассматриваем следующие его основные компоненты: связь с вмещающим ландшафтом; территориальную идентичность; геоэтнокультурную стратификацию; социально-территориальную иерархию общества; гендерные соотношения в общественно-географических процессах (территориальные отличия гендерных соотношений в общественно-географических процессах и региональные особенности гендерной идентификации и восприятия гендерных ролей в обществе); пространственные мифологемы (ключевые представления о пространстве в геокультурной системе).

С нашей точки зрения, это базовые предельные уровни геоэтоса, от которых возможно множество производных. Данные уровни позволяют рассмотреть геоэтос как интегрально-пространственную структуру всего общества. Свойства уровней – все охватывающая интегральность, континуальность, дифференцированность, разноразмерность (многовершинность), нестрогая и территориально неодинаковая иерархичность, с которой соотносятся другие компоненты по принципу производной.

Следует отметить, что предложенный подход – это не сведение инструментария этнологической географии к констатации заведомой соотнесённости конкретного ментального комплекса с той или иной геосистемой путем механической «нарезки» географической системы (ландшафт, зона, регион, страна, цивилизация) и заявления о наличии у неё особой ментальности. Квинтэссенция географического исследования ментальности – это идентификация ментальности в сложном географическом рисунке, в котором необходимо, с одной стороны, выделить геосистемы, которые, действительно, оказываются в двусторонней взаимообусловленности с ментальностью, а с другой – провести типологизацию внутри геосистемы для оценки ее влияния на ментально-географические структуры. Так, физико-географическое влияние на ментальность не требует дробно-типологического подхода, а оказывает воздействия через предельные типизации на этнокультурную систему. Можно выделить горный, степной ментально-географический аспект в этнокультурной системе, а не холмисто-увалистый или типчаково-ковыльный. Помимо физико-географических аспектов, существуют и другие, обобщенные нами в шести комплексных геоэтологических параметрах [12].

Таким образом, географическое структурирование этнологического пространства ментальности возможно через вычленение пространственной композиции элементов геоэтоса в его соотношении с основными структурами пространственной организации общества. Через посредство этих элементов реализуются требования структурной упорядоченности геоэтоса, характеризующиеся континуальностью, освоенностью, компактностью конфигурации, изрезанностью границ, сетчатостью, линейностью, очаго-

востью, центричностью и сопряженностью соседства. Анализируя с предметно-содержательных позиций складывающегося научного направления – этнологической географии – пространственные формы геоэтоса, можно предложить методологическую схему вычленения ядер специфической ментальности путем наложения выявленных пространственных конфигураций (ареалов, зон, сетей и др.) по каждому картографически отображенному этнологическому компоненту.

Этос в географическом пространстве выступает в качестве контактно-установочной функции между компонентами геосистемы. П.Я. Бакланов [3] справедливо указывает, что отношения между отдельными видами деятельности людей, слагающие территориальную систему, являются важнейшей составляющей территориальной системы.

С.А. Тархов [13], определяя предмет изучения социально-экономической географии как «пространственное устройство» территориальных систем жизни и деятельности людей, пространственную организацию жизнедеятельности человека...», отмечает, что в территориальные системы включаются «ментальные» объекты, не раскрывая их содержание. Е.Г. Анимица и М.Д. Шарыгин предлагают включить в территориальные общественные системы «духовные, психологические, нравственные, другие аспекты жизни людей» [1]. Таким образом, в контурах современной общественной географии [17] открывается лакуна ментально-географической проблематики, нуждающаяся в научно-исследовательской проработке.

Теоретико-методологическая разработка концепта этнологической географии.

Предметно-объектный анализ нового общественно-географического направления – этнологической географии предполагает выбор базового, ключевого подхода, который учитывает специфику изучаемого предмета исследования, опираясь на апробированную методологию общественной географии. С нашей точки зрения, таким подходом является концепция территориальной организации культуры и основные закономерности территориальной организации общества.

Базовые концептуальные подходы географического анализа ментальности населения образуют обосновываемое нами новое направление в общественной гео-

графии – этологическую географию. Концептуально это направление встраивается в географическую науку как стыковое, на пересечении хорологического, антропогеографического, географии человека и культурно-ландшафтного подходов, продолжая их методологические разработки для решения своих специальных задач.

Новая методология не требует теоретического переосмысления поведенческой географии, так как обосновывается нами как самостоятельное направление в общественной географии. При этом этологическая география имеет сходную интенцию с поведенческой географией, возникшей в середине 60-х гг. XX в. как альтернатива господствующему тогда позитивизму в пространственном анализе, и также отражает тенденцию к гуманизации географии, трансформации ее в науку о людях, а не о местах. Важно отметить, что подобная трансформация не убирает территориальность из географического исследования. Напротив, происходит методологическое усложнение, когда территория рассматривается как функция человеческой деятельности, а в человеческой деятельности определяется влияние территории и отражение пространства в культуре.

Этологическая география в своем исследовательском поле выходит на анализ взаимодействия ментальных аспектов организации культуры с базовыми компонентами ландшафта.

Этологическая география в строгой системной методологии образует следующие внутренние и внешние структурные звенья в целостной территориальной системе, иерархически организованной в соответствии с определенным пространственным уровнем (рис. 1).

Ментальность в географическом пространстве может быть выражена в географической оболочке только через антропосферу как наивысший таксономический ранг пространственной организации человечества. Геокультурная система, объединяющая под собой все обусловленные культурогенезом территориальные системы, интегрирует геоэтнос как одну из составляющих геокультурного процесса (процесса пространственного саморазвития различных культурно-территориальных образований). Геоэтнос выступает не как самостоятельный компонент геокультурной системы, а именно как функция отношения между компонентами, обусловленными культурогенезом.

Рис. 1. Структурно-иерархическая соподчиненность основных понятий, использующихся в этологической географии, в предметно-объектном контексте географической науки.

Составлено автором.

В свою очередь, культурный ландшафт и культурно-территориальная общность – варианты геосистем, структурирующих геокультурное пространство (инвариант географического пространства, представляющего собой совокупность пространственных отношений между различными геокультурными феноменами [5]), выражают ментальность населения в определенном геоэтосе.

Общая теория территориальной организации общества – это теория дедуктивного типа, которая содержит базовые положения, отражающие важнейшие закономерности территориальной организации населения и его деятельности, а также позволяет привести в систему наиболее общие категории, используемые для описания территориальной организации [14]. Классическим подходом в исследовании сквозь её призму является разбивка общественно-географических феноменов на слои: население, природопользование, производственная и непроизводственная сфера, инфраструктура и т.д. Несмотря на то, что слои иногда перекрываются и встречаются объекты, не подходящие ни под один из выделенных слоев, географическая методология исследования в принципе инвариантна по отношению к изучаемым объектам. Этологическая география позволяет рассматривать выделенные нами компоненты геоэтоса как основополагающие элементы террито-

риальной организации этоса. Взаимосвязи между этими компонентами рассмотрены нами в полисистемной модели геоэтологического пространства ментальности [12].

Утверждая включенность методологического аппарата географической науки как в идиографический (описывающий индивидуальную действительность), так и в номотетический (направленный на все многообразие пространственных проявлений) полюс научного знания, обозначим взаимоувязанность выделенных геоэтологических компонентов с интегральной картиной территориальной организации общества.

Взаимосвязи между системой основных компонентов геоэтоса и основными закономерностями территориальной организации общества представлены на следующей схеме (рис. 2).

Опираясь на кодификацию основных закономерностей ТОО, проведенную А.А. Ткаченко [13], рассмотрим взаимодействие между системой основных компонентов геоэтоса и территориальной организацией общества (табл. 1).

Выявленные взаимосвязи можно рассматривать как внешний механизм взаимодействия территориальной организации этоса с абстрактной моделью внутреннего механизма территориальной организации общества.

Выделенные 18 связей – базис закономерностей территориальной организации общества, взаимоувязанный с пространственной

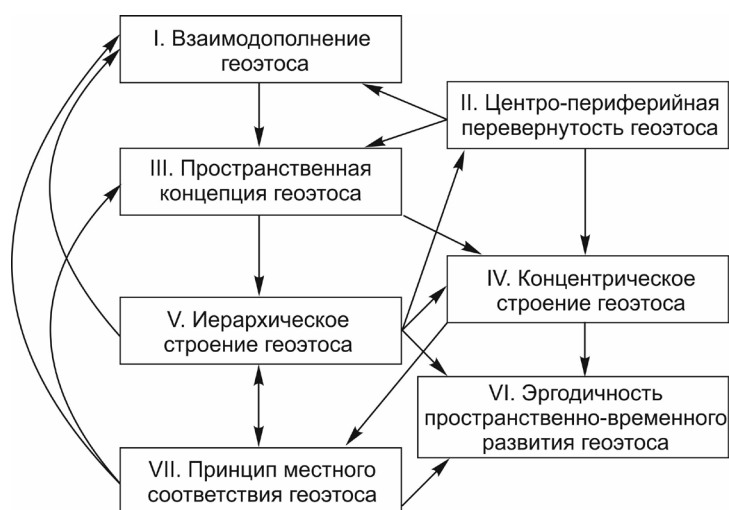

Рис. 2. Взаимосвязи между основными закономерностями ТОО и геоэтологической пространственной системой.

Составлено автором.

системой геозтоса. Географический подход к исследованию геозтологической системы должен выстраиваться на этих базовых положениях.

Геозтологическая система многослойна, как и территориальная организация общества. Основные закономерности ТОО универсальны для каждого выделенного слоя

Таблица 1. Взаимодействие между системой основных компонентов геозтоса и территориальной организацией общества

№	Взаимосвязи между основными закономерностями территориальной организации общества и геозтологической пространственной системой	Взаимодействие между системой основных компонентов геозтоса и территориальной организацией общества
1	Взаимодополнение геозтоса (I) → пространственная концентрация геозтоса (III)	Естественно-исторический генезис геозтологических компонентов, проявляющийся в ключевых макросоциальных отношениях общества, порождает концентрацию – ядра определённого геозтологического типа
2	Центро-периферийная перевернутость геозтоса (II) → взаимодополнение геозтоса (I)	Центро-периферийная перевернутость геозтологической стратификации (аутентичные свойства регионализированы на периферии и дисперсны в социально-экономических центрах) производит обмен функциями по принципу обратной пропорциональности взаимодействия и расстояния от социально-экономических центров
3	Центро-периферийная перевернутость геозтоса (II) → пространственная концентрация геозтоса (III)	Сила влияния регионализованной концентрации геозтоса на окружающую территорию приводит к формированию узловых геозтологических районов
4	Пространственная концентрация геозтоса (III) → концентрическое строение геозтоса (IV)	Специфические ядра геозтоса порождают концентрическую зональность
5	Центро-периферийная перевернутость геозтоса (II) → концентрическое строение геозтоса (IV)	Особенности концентрических зон определяются удаленностью от центра
6	Пространственная концентрация геозтоса (III) → иерархическое строение геозтоса (V)	Ядра геозтоса как очаги концентрации образуют иерархию центров и узловых районов
7	Иерархическое строение геозтоса (V) → концентрическое строение геозтоса (IV)	Центры разных рангов создают свою концентрическую зональность
8	Иерархическое строение геозтоса (V) → взаимодополнение геозтоса (I)	Геозтологическая контактность мест зависит от их положения в иерархии центров / районов
9	Иерархическое строение геозтоса (V) → центро-периферийная перевернутость геозтоса (II)	Дальность влияния системы геозтологических компонентов зависит от его места в иерархии районов
10	Концентрическое строение геозтоса (IV) → эргодичность пространственно-временного развития геозтоса (VI)	Стадии развития геозтологической системы зависят от их положения в системе концентрических зон
11	Иерархическое строение геозтоса (V) → эргодичность пространственно-временного развития геозтоса (VI)	Стадии развития геозтологической системы зависят от их положения в иерархии центров
12	Принцип местного соответствия геозтоса (VII) → эргодичность пространственно-временного развития геозтоса (VI)	Стадии развития геозтологической системы находятся в соответствии с природными и культурными свойствами территории
13	Концентрическое строение геозтоса (IV) → принцип местного соответствия геозтоса (VII)	Действие контактности меняется с изменением места геозтологических компонентов в системе концентрических зон
14	Иерархическое строение геозтоса (V) → принцип местного соответствия геозтоса (VII)	Действие контактности меняется с изменением места геозтологических компонентов в иерархии центров / районов

Таблица 1. Окончание

№	Взаимосвязи между основными закономерностями территориальной организации общества и геоэтологической пространственной системой	Взаимодействие между системой основных компонентов геоэтоса и территориальной организацией общества
15	Принцип местного соответствия геоэтоса (VII) → взаимодополнение геоэтоса (I)	Потребность в обмене функциями связана с неодинаковостью культурных и природных ограничений в разных местах
16	Эргодичность пространственно-временного развития геоэтоса (VI) → взаимодополнение геоэтоса (I)	Потребность в обмене функциями связана с различиями в стадиях развития
17	Принцип местного соответствия геоэтоса (VII) → пространственная концентрация геоэтоса (III)	Возможности концентрации лимитируются свойствами территории
18	Принцип местного соответствия геоэтоса (VII) → иерархическое строение геоэтоса (V)	Природные и историко-культурные ограничения задают иерархичность в геоэтологической системе

Составлено автором.

геоэтологической структуры. Безусловно, общественный генезис этих закономерностей приводит к вероятностному характеру выделенных взаимодействий, которые проявляют себя как тенденции при большом числе наблюдений. Однако базовые взаимодействия в своем совокупном проявлении, усложненные стохастичностью общественных процессов, выступают каркасом географической картины этологической составляющей ментальности любой территории.

В целом территориальная организация ментальности проявляется в геокультурной системе в двух взаимосвязанных процессах – через геоэтос (как функции отношений между компонентами территориальной системы, обусловленными культурогенезом) и в геокультурной обстановке (как способности территории к саморазвитию во взаимодействии с культурой).

Таким образом, представление об этосе как части ментальности в его связи с местом обитания человека интегрируется нами в предметно-объектный контекст культурной географии следующим образом. Геоэтос выражает мозаичность антропосферы через контактно-установочные функции компонентов геосистемы. Культурный ландшафт и культурно-территориальная общность выражают ментальность в определенном геоэтосе. Взаимосвязи между компонентами геоэтоса можно рассматривать как внешний механизм взаимодействия территориальной организации ментальности с абстрактной

моделью внутреннего механизма территориальной организации общества.

Выводы. Этологическая география – новое научное направление в общественной географии, исследующее общественно-географические факторы и особенности формирования, воспроизводства и трансформации ментальности.

Важная в общественно-географическом плане задача исследования пространства в ментальности не входит в задачи этологической географии. Этологическая география выражает собой географию ментальности, а не ментальную географию.

Опираясь на концепцию территориальной организации культуры и основные закономерности территориальной организации общества, мы провели предметно-объектный анализ этологической географии, который позволил выделить объект и предмет ее исследования. Объект исследования – пространственные структуры этоса, предмет исследования – общественно-географические факторы и особенности формирования, воспроизводства и трансформации этоса в культурно-территориальных общностях.

Если признать современную Евразию как геокультурную целостность – не простой конгломерат народов и территорий, а сложную систему, включавшую в качестве элементов разнопорядковые с асимметричным статусом (от унитаризма до «имперского федерализма») регионы и народы, имеющие различные социально-экономи-

ческие, политические и социокультурные характеристики, то необходимо будет изменить ракурс географического исследования культурного пространства, который требует существенного расширения тематики за счет теоретико-методологических работ географии ментальности. Это по-

зволяет выяснить потенциал длительной устойчивости мультикультурных сообществ и подобрать управленческие технологии, способные эффективно и адекватно реагировать на быстро меняющуюся политическую, экономическую и социокультурную конъюнктуру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анимица Е.Г., Шарыгин М.Д.* Социально-экономическая география и региональная экономика: проблемы взаимоотношений // Географический вестник. 2013. № 1. С. 4–12.
2. *Анчел Е.* Этнос и история. М., 1988. 127 с.
3. *Бакланов П.Я.* Об объекте, предмете и задачах современной социально-экономической географии // Социально-экономическая география. Вестн. ассоциации рос. географов-обществоведов. 2014. № 1(9). С. 5.
4. *Голд Дж.* Психология и география: Основы поведенческой географии / авт. предисл. С.В. Федюлов. М.: Прогресс, 1990. 304 с.
5. *Дружинин А.Г.* Теоретические основы географии культуры. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦВШ, 1999. 151 с.
6. *Дружинин А.Г., Стрелецкий В.Н.* «Культурная составляющая» общественной географии в современной России: генезис, особенности и приоритетные направления развития // Изв. РАН. Сер. геогр. 2015. № 1. С. 5–20.
7. *Ефимов В.Т.* Этносология как учение о нравах и нравственности. М., 1992. 268 с.
8. *Замятина Н.Ю.* Когнитивная география (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / сост., отв. ред. Д.Н. Замятин. Вып. 2. М.: Ин-т Наследия, 2005. С. 339–340.
9. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах / сост. Е.М. Михина. М., 1996. 255 с.
10. *Лавернова О.А.* Перцепционная география (Материалы к словарю гуманитарной географии) // Гуманитарная география. Вып. 5. М.: Ин-т Наследия, 2008. С. 260–264.
11. *Линч К.* Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. и ред. А.В. Иконников. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
12. *Любичанковский, А.В.* Пространственные формы этноса в этнологической географии // Социально-экономическая география. Вестн. Ассоциации рос. географов-обществоведов. 2020. № 1 (9). С. 37–49.
13. *Тархов С.А.* Социально-экономическая география: ее сущность, предмет изучения и методы // Региональные исследования. 2013. № 3. С. 9–13.
14. *Ткаченко А.А.* Некоторые элементы общей теории территориальной организации общества // Социально-экономическая география: традиция и современность / под ред. А.И. Шкириной и В.Е. Шувалова. М. – Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 220–222.
15. *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 214–273.
16. Философская энциклопедия. Т. 5 / под ред. Ф.В. Константинова. М.: Сов. энциклопедия, 1970. 740 с.
17. *Шарыгин М.Д.* Общественная география: контуры будущей науки // Географический вестник. 2014. № 1. С. 20–28.
18. *Adrian H., Pfannschmidt U.* Stadt als schone Gestalt. Wachst die Identification der Bewohner, wenn sie schon ist? // Mitt. Dtsch. Acad. Stadtebau und Landesplan. 1987. Vol. 31. № 1.
19. *Board Ch.* Maps in the mind's eye: maps on paper and maps in the mind // Progress in Human Geography. 1979. Vol. 3. № 3. P. 434–441. DOI: 10.1177/030913257900300307.
20. *Gould P.* On mental maps. Michigan Inter-University Community of Mathematical Geographers. Discussion Paper № 9, 1966.
21. *Gould P.* People in information space: The mental maps and information: Surfaces of Sweden // Lund Studies in Geography. Ser. B. Human Geography. No. 42. The Royal University of Lund, 1975. 161 p.
22. *Kitchin R.M.* Increasing the integrity of cognitive mapping research: Appraising conceptual schemata of environment-behavior interaction // Progress in Human Geography. 1996. Vol. 20, № 1. P. 56–84.
23. *Lynch K.* Growing up in Cities: Studies of the Spatial Environment of Adolescence in Cracow, Melbourne, Mexico City, Salta, Toluca and Warszawa. Cambridge: M.I.T. Press, 1977. 177 p.
24. *Lynch K.* What Time is This Place? Cambridge: M.I.T. Press, 1971. 288 p.
25. *Mark D.M., Freksa C., Hirtle S.C.* Cognitive models of geographical space. Int. J. Geographical Information Science. 1999. Vol. 13. № 8. P. 747–774.
26. *Роскоп Д.* Environmental perception: process and product // Tijdschriftvoor Econ. & Soc. Geografie. 1973. № 64 (4). P. 251–257.
27. *Yi-Fu Tuan* Man and Nature // Association of American Geographers. 1971. Resource paper № 10. 49 p.
28. *Yi-Fu Tuan* Environmental psychology: a review // Geographical Review. 1972. Vol. 62. № 2. P. 245–256.

29. *Yi-Fu Tuan* Space and place: humanistic perspective // *Progress in Geography*. 1974. Vol. 6. P. 211–252.
30. *Yi-Fu Tuan* Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977. 235 p.
31. *Yi-Fu Tuan* Landscape of Fear. N.Y., 1979. 272 p.
32. *Yi-Fu Tuan* Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes and Values. N.Y.: Columbia University Press, 1990. 260 p.

Статья поступила в редакцию журнала 19 мая 2023 г.

Сведения об авторе:

Любичанковский Алексей Валентинович – кандидат географических наук, доцент кафедры географии и регионоведения Института наук о Земле Оренбургского государственного университета, г. Оренбург.

Для цитирования:

Любичанковский А.В. География ментальности как этологическая география: предметно-объектный анализ // *Региональные исследования*. 2023. № 3. С. 27–36.

DOI: 10.5922/1994-5280-2023-3-3

**Geography of mentality as ethological geography:
subject-object analysis**

A.V. Lyubichankovsky

*Orenburg State University, Department of Geography and Regional Studies,
Orenburg, Russia*

e-mail: av-lubichan@yandex.ru

In modern social geography, a lacuna of mental-geographical problems is opening, which needs research study. Territorial social systems are inextricably linked with the "mental factor". The article is devoted to the substantiation of a new scientific direction within the framework of social geography, focused on the study of socio-geographical factors and features of the formation, reproduction and transformation of mentality – ethological geography. The task of studying space in mentality, which is important in the socio-geographical plan, is not included in the tasks of ethological geography. Ethological geography expresses the geography of mentality, not mental geography. The problem of mentality in the structure of socio-geographical research suggests the substantiation of ethological geography in the subject-object context of geographical science: geographical shell, geosystem, cultural landscapes, territorial social systems, etc. Subject-object analysis of ethological geography involves the choice of a basic, key approach that takes into account the specifics of the studied subject of research, based on the proven methodology of social geography. It is shown that such an approach is the concept of the territorial organization of culture and the main regularities of the territorial organization of society. The analysis carried out made it possible to formulate the object and subject of the study of ethological geography. The object of research, on which the research process is directed as a whole, is the spatial structures of ethos. The subject of the study as a reflection of the essential aspects of the object, its detailing in a specific research field is socio-geographical factors and features of the formation, reproduction and transformation of ethos in cultural-territorial communities. Geographical studies of the cultural space of Russia suggest a significant expansion of the subject matter due to theoretical and methodological developments in the geography of mentality, which will make it possible to determine the potential for long-term sustainability of multicultural communities and determine management technologies that can effectively and adequately respond to the rapidly changing political, economic and socio-cultural conjuncture.

Keywords: geography of mentality, ethological geography, geoethos.

Received 19.05.2023